

БОМБОРА Story

Марго
Фридлендер

Малин
Швердтфегер

янтарная нить

ИСКРЕННИЙ РАССКАЗ
О ВЫЖИВАНИИ
В НАЦИСТСКОМ БЕРЛИНЕ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44
Ф88

Versuche, dein Leben zu machen Als Jüdin versteckt in Berlin
by Margot Friedlander, Malin Schwerdtfeger

Original title: «Versuche, dein Leben zu machen»

Als Jüdin versteckt in Berlin

Copyright © 2008 by Rowohlt · Berlin Verlag GmbH, Berlin

Фридлендер, Марго.

Ф88 Янтарная нить : искренний рассказ о выживании в нацистском Берлине / Марго Фридлендер, Малин Швердтфегер ; [перевод с немецкого Н. И. Христофоровой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с. — (Выбирая жизнь. Книги о силе духа.).

ISBN 978-5-04-235334-5

Берлин, 1943 год.

После ареста семьи Марго остается одна. Чтобы выжить, она прячется: чужие квартиры, имена, изменённая внешность, любая работа и страх перед завтрашним днем. Два года — между жизнью и смертью с наказом матери «Береги себя» на клочке бумаги.

Подлинная история о борьбе и памяти — чтобы этот ужас никогда не повторился.

УДК 821.112.2-94

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-235334-5

© Христофорова Н.И., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Более шести десятилетий спустя после своего освобождения вместе с писательницей Малин Швердтфегер Марго рассказала свою драматическую историю о надежде и предательстве, о гражданском мужестве в условиях террора и безусловной воле к жизни.

С 2010 года Марго Фридлендер вернулась в Берлин, откуда стала рассказывать о событиях, очевидцем которых была.

Она умерла 9 мая 2025 года в возрасте 103 лет.

*Моим родителям
и моему брату Ральфу
посвящаю*

«БЕРЕГИ СЕБЯ»

Я иду по улице Скалитцер. Чуть больше двух часов дня, серый январский день в районе Берлина Кройцберге. Грохочут рельсы метро. Многие люди идут пешком, у них бледные, замкнутые лица, взгляды устремлены вниз. Я тоже настолько погружена в свои мысли, что почти не замечаю мужчину, который идет на расстоянии примерно квартала передо мной.

20 января 1943 года.

Думаю только о сегодняшнем вечере. Мы хотим уехать из Берлина — я, мать, братья. Побег давно запланирован. Мы встретимся еще раз в квартире, чтобы договориться. Если все пойдет хорошо, это мои последние часы в Берлине. Как будет там, куда мы хотим отправиться? Там лучше, чем здесь, по крайней мере, мы так думаем. Надеемся. Это наша последняя надежда.

План кажется чудовищным, он занимает все мои мысли. Мимоходом замечаю, что до 32-го номера — до нашей квартиры — уже недалеко. А вот и уличный фонарь. Еще несколько шагов.

И тут я чувствую: что-то не так. Поднимаю взгляд. Тот мужчина впереди меня — что-то мне в нем не нравится. Смотрю на его спину в темном плаще, невольно

подражая ритму его шагов, коротких, быстрых, будто ему холодно. Мне страшно, и я не знаю почему.

Он исчезает в подъезде дома.

Номер 32. Невольно прижимаю сумочку к груди, чтобы прикрыть желтую звезду. Надо просто бежать? А куда? Мне нужно домой. Я не хочу менять наш план. Иначе все сорвется.

Дом номер 32 — обычный берлинский многоквартирный дом, охристо-желтый фасад потемнел от копоти угольных печей. Я открываю входную дверь и выхожу на лестничную клетку. Пахнет линолеумом и холодным дымом.

Наша квартира находится в главном здании, на втором этаже. Мужчину не видно. Без колебаний поднимаюсь по лестнице. Может, я просто слишком нервничаю. Станет очевидно, что мои опасения беспочвенны. Этого человека наверняка больше здесь нет. Возможно, он исчез в квартире, возможно, в гостях или ошибся номером дома и сейчас спускается по лестнице.

А потом вижу. Он стоит на втором этаже, прямо на пороге нашей квартиры, прислонившись спиной к нашей двери. Я не смотрю на него, уставившись на невидимую точку в воздухе.

Я предпочла бы спуститься обратно, только возвращаться слишком поздно. Выбора нет. Мои шаги эхом разносятся по лестнице в том же ритме, что и раньше, ни быстрее, ни медленнее. Я все еще прижимаю сумочку к груди.

Придется пройти мимо него. Я так близко, что он мог бы коснуться меня, но я не смотрю на него и использую все силы, чтобы казаться бесстрастной. Чего хочет этот человек, почему стоит у нашей двери? Кого ждет?

Его лицо — не что иное, как светлое пятно на темном плаще, которое лишь ненадолго проскальзывает в поле моего зрения.

Мужчина не шевелится.

На третьем этаже останавливаюсь. Принимать решение нужно быстро. Решаюсь и звоню в дверь. Соседей, которые здесь живут, я почти не знаю, хотя их квартира находится прямо над нашей. Они не евреи, до сих пор я не сказала им ни слова. Сейчас я молюсь, чтобы они были дома.

И правда, слышу шаги, приближающиеся к двери, короткие, энергичные, цокот каблуков по дощатому полу, — шаги женщины.

Дверь открывается, соседка сразу узнает меня. Я боюсь, что она громко поздоровается, но женщина молчит, приглашает жестом войти и закрывает дверь.

Теперь я понимаю: явно произошло что-то ужасное. Вижу по ее глазам. Она пускает меня в гостиную, указывает на стул. Я сажусь, она занимает стул напротив.

— Они пришли, — тихо говорит соседка, будто мужчина на лестничной площадке может услышать. — Гестапо.

— Когда? — выдавливаю я. Свой голос слышу будто издалека. Комната смыкается вокруг все теснее, люстра внезапно кажется тусклее, словно лампочка вот-вот погаснет.

— В полдень, — говорит она. — Пару часов назад. Вдруг кто-то заорал на весь подъезд: «Открывайте! Открывайте!» Потом на лестнице загрохотало. Я бросилась к окну, они как раз выходили. Их затолкали в полицейскую машину.

— Кого? — спросила я.

— Госпожу Майснер и еще двоих, мужчину и женщину, чуть за двадцать. Я их не знала. И мальчика.

Мой брат Ральф.

— Моя мама?

Соседка мотает головой.

Матери там не было. Соседка рассказывает, что она пришла примерно через час после гестапо. Те опечатали нашу дверь.

— Я ей все рассказала.

— Она спрашивала обо мне?

— Я сказала, что тебя там не было.

— Где она сейчас?

— Ушла к соседям. Евреям. Где-то здесь, на улице.

Я сразу поняла, кого она имеет в виду. Супружеская пара, с которой мы мимолетно знакомы, живет через три дома. Значит, она там, совсем близко, но я не могу к ней отправиться. Возможно, этот человек все еще стоит у нашей двери. Я не могу уйти. Ничего не могу сделать, кроме как сидеть здесь и ждать.

Соседка оставляет меня наедине с моими мыслями. Я благодарна, потому что она не требует, чтобы я уходила. Женщина просто остается сидеть, как и я, опершись локтями о столешницу и подперев лицо руками. Я едва знаю ее, она не может мне помочь, и все же хорошо, что позволяет побыть здесь. Хорошо, что можно помолчать.

Постепенно наступает вечер. Бледное январское небо, кусочек которого видно через кухонное окно, теперь стало темно-серым. В какой-то момент я встаю и прощаюсь. Нужно идти. Сразу. Пусть даже тот человек все еще там.

Медленно спускаюсь по лестнице. Он больше не ждет перед нашей дверью. Теперь я могу различить

печать, приклеенную поперек замочной скважины и дверной коробки.

Только внизу, на улице Скалитцер, с меня внезапно спадает оцепенение. Мысли мечутся, все нужно сделать быстро. Не знаю, сколько времени я просидела у соседки, явно больше часа, может быть, два.

Мама ждет меня, наверняка волнуется.

Нам нужно подумать, что мы сейчас можем сделать. Надо выяснить, где брат, или спрятаться. Что бы там ни было, вместе мы найдем выход.

Стою перед соседним домом. Скоро я увижу маму. Уже наступили сумерки. Супруги ждут у освещенного окна, удастся различить очертания за занавеской. Смотрю вверх, ищу знакомую фигуру матери. Но ее там нет.

Женщина открывает мне дверь.

— Где она? — спрашиваю я, затаив дыхание.

Женщина ждет, пока я зайду в коридор, потом закрывает дверь.

— Ушла.

В первый момент я не понимаю. Я опоздала? Она ищет меня?

— Она просила кое-что тебе передать.

Я жду, что женщина даст мне что-нибудь, однако она просто стоит. Ищу взглядом записку у нее в руке, что-то написанное, что оставила мне мама.

— Я должна тебе кое-что сказать.

А потом она говорит то, что мама больше не сможет сказать сама: «Я приняла решение пойти в полицию. Я отправлюсь с Ральфом куда бы то ни было. Береги себя. Постарайся изменить свою жизнь к лучшему».

Это ее слова? Они будто не имеют ко мне никакого отношения. Холодные слова из уст чужих людей.

Вопросительно смотрю на женщину.

— Вот что она сказала, больше ничего. Затем ушла. Береги себя. Постарайся изменить свою жизнь к лучшему.

Она повторяет эту фразу. Только во второй раз я понимаю смысл. Жестокие слова, суровые и равнодушные.

Я стою, и у меня нет ничего, кроме этого предложения. Ни одной строчки ее почерком.

Женщина тянется к чему-то, что лежит на комодке в прихожей. Сует мне это в руку. Чувствую гладкую кожу. Только теперь вижу, что это: сумочка мамы. Открываю ее. Нос улавливает знакомый запах: запах потертой кожи, духов и карандашей, мыла, мокрого пальто и бумаги, дождливых дней. Ее особенный запах.

Лезу в сумку и достаю адресную книжку — небольшую тетрадочку из клетчатой бумаги. Обложка давно отвалилась. С краю — регистр, алфавит, чередование черного и красного, некоторые буквы истрепаны больше, чем другие. Многие адреса аккуратно написаны авторучкой, другие — карандашом и бегло набросаны: адреса туристических агентств, визовых служб, консульств и контактных лиц, которые, возможно, могут пригодиться позднее.

В сумке есть что-то еще. Я чувствую на дне что-то тяжелое, прохладное, гладкое. Вытаскиваю. Ее янтарное ожерелье. Средней длины из матового полированного янтаря, к середине бусины становятся больше. Некоторые камни золотистого или горчично-желтого цвета, другие более темные, почти красноватые.

Закрываю сумку и направляюсь к двери. Нет никаких причин оставаться дольше. Женщина наблюдает, не останавливает меня, не спрашивает, куда иду.

- До свидания, — говорю я.
- До свидания, — отвечает она.
- Мы знаем, что свидания не будет.

В тот день, когда я спрячусь, я сниму еврейскую звезду.

Улица Скалитцер. Автоматически переставляю ноги. Стало темно и очень холодно.

Я не могу провести ночь на улице. Только куда идти? Где спать? На скамейке? Я замерзну. Нужно принять решение. Мне всего двадцать один год, еще никогда я не принимала решений в полном одиночестве. Еще не было собственной жизни. Моя жизнь — это жизнь с мамой, братом, моей семьей. Теперь она закончилась. Почему мама не стала меня ждать?

Двигаюсь дальше, механически, бесцельно. Вдруг оказывается, что я, сама не зная как, оказалась перед квартирой друзей-евреев, Зигги Хирша и его сестры. Звоню. Они дома, я могу переночевать у них несколько раз — первые ночи на нелегальном положении.

Рано утром выхожу из дома и бегу сквозь январскую тьму. До этого нелегальное положение означало просто бесцельное блуждание по хорошо знакомым улицам, которые внезапно оказались чужими и опасными. С сегодняшнего дня следует бояться встречи с кем-то, кто меня знает. Я опускаю голову, когда встречаю людей. Только никто не обращает на меня внимания. Люди прячут лица за шарфами и воротниками пальто. Они спешат, они идут на работу.

Я никуда не иду. Просто иду.

Светает. Постепенно открываются пекарни и газетные киоски, затем остальные магазины. Около полудня